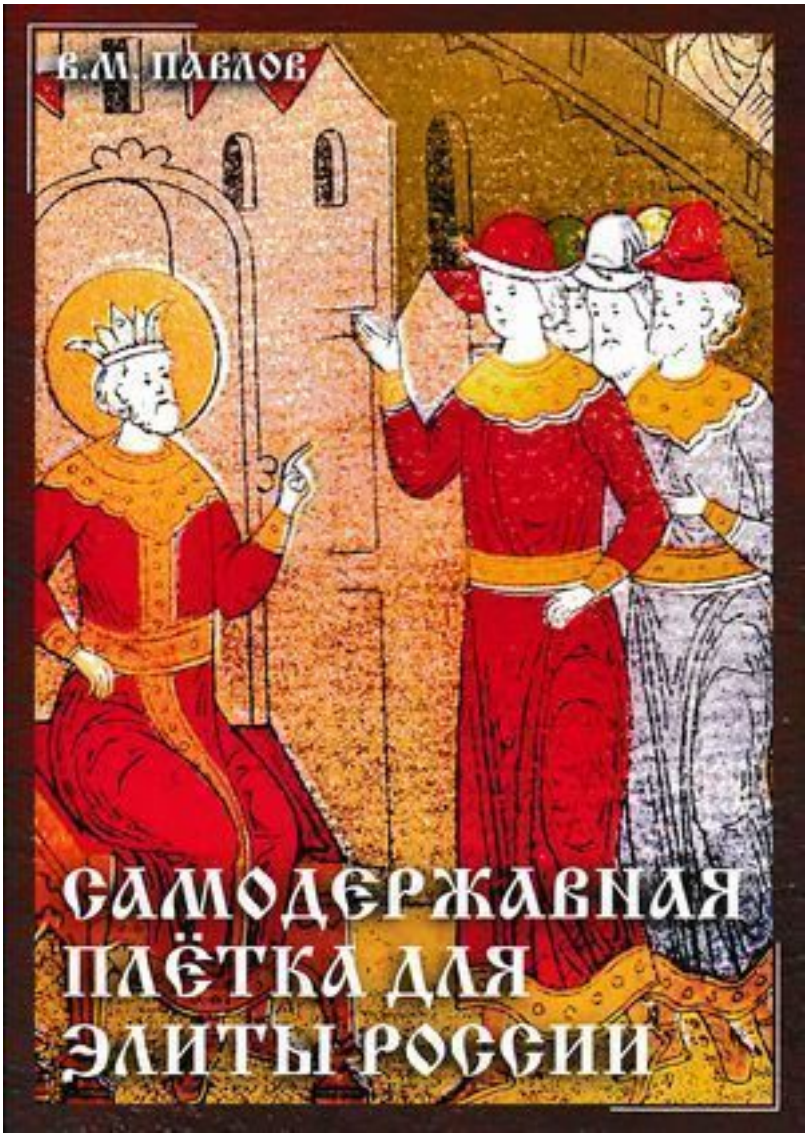
В.М. ПАВЛОВ
САМОДЕРЖАВНАЯ
ПЛЁТКА ДЛЯ
ЭЛИТЫ РОССИИ

Виктор Павлов

Самодержавная плетка для элиты России

«Дашков и К»

2019

УДК 93/94
ББК 63.3

Павлов В. М.

Самодержавная плетка для элиты России / В. М. Павлов — «Дашков и К», 2019

ISBN 978-5-394-02681-2

В книге рассматривается характер взаимоотношений самодержавных правителей и элиты России при управлении государством. Русское самодержавие, как промежуточная форма государственного правления между западноевропейским абсолютизмом и восточным деспотизмом, предполагало безусловное подчинение элиты, что, как правило, достигалось силовыми методами. Самодержец выбирал орудие удержания элиты в своём подчинении для её превращения в тягловую лошадку, везущую огромный воз государственных проблем. Для широкого круга читателей.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-394-02681-2

© Павлов В. М., 2019
© Дашков и К, 2019

Содержание

Предисловие 5
Раздел 1 7
Раздел 2 12
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Виктор Павлов
Самодержавная плётка для элиты России

Предисловие

Величие России строилось на её поражениях, которые всегда служили поводами для создания условий последующих побед, возводящих Россию на новый, более высокий уровень мировой значимости. В этом заключается парадоксальный характер её истории.

Формирование России как великой державы происходило под влиянием как минимум четырёх основных, исторически последовательных факторов, таких как: принятие русским народом православия, победа Московской Руси в историческом противостоянии с Великим княжеством Литовским (Литовской Русью), успешное завоевание и освоение необозримых просторов Сибири, а также вхождение России полноправным членом в число европейских стран.

Православие стало для Руси государствообразующей религией и заложило основы христианской цивилизации. Падение Византийской империи, привнёсшей на русской земле православную веру, было воспринято русским народом как призыв Бога для России стать её преемником, «третьим Римом», ответственным за вселенское православие. Именно тогда у русского человека начал формироваться так называемый «великодержавный менталитет», позволивший с течением времени создать Великую державу.

Борьба Московской Руси с другим русским государством, Литовской Русью, за влияние над русскими княжествами, появившимися после распада Киевской Руси и монголо-татарского нашествия, велась непрерывно с XV века. Образование в середине XVI века политического союза Литовской Руси с Польшей, приведшего к созданию могучего государства Речь Посполитая, и заключение унии между православной церковью нового государства и католической церковью, стали крупнейшими поражениями Московского государства в области внешней и религиозной политики. Однако эти два события окончательно «повернули» русские княжества и славянские страны в сторону Москвы и сделали её центром славянского православного мира.

Успешное завоевание и освоение Московским государством необозримых просторов Сибири началось в конце XVI века после поражения России в двадцатипятилетней Ливонской войне, которую она вела с европейскими странами за выход к Балтийскому морю. Западная Европа закрыла русскому государству дороги в свой мир, и Россия пошла на восток. В результате Московская Русь из заштатного восточноевропейского государства превратилась в огромную евроазиатскую страну, и из Сибири стало «прирастать могущество Российское».

Вхождение России полноправным членом в число европейских стран произошло под самодержавным правлением Петра Первого. После позорного поражения от шведов под Нарвой, он провёл коренные военно-государственные реформы страны, позволившие одержать блистательные победы над Швецией в двадцатидвухлетней Великой Северной войне. Реформы Петра Первого привели к подъёму образования в России и привлечению в страну научно-технических и культурных достижений европейской цивилизации, позволили создать Российскую империю, окончательно сформировавшуюся как Великая держава к началу XIX века.

С петровских времён понятие «самодержавие» стало неотъемлемым атрибутом Российской империи и с тех пор воспринимается как русский вариант авторитарного монархического правления. Основным фундаментом русского самодержавия является вера народа в непогрешимость правителя, которая в царские времена поддерживалась православием, придававшим божественную окраску власти монарха, получавшего её как бы от Бога по праву рождения. Однако методы самодержавного правления могут применяться не только в условиях монархи-

ческой власти. Для этого необходимо создать правителю некий «культ личности», выводящий его на высоту непогрешимости, что даёт возможность организовать самодержавную форму правления даже в демократическом обществе. В этом случае лидеру государства остаётся решить проблему установления взаимоотношении между ним и элитой государства, которая взрастает поколениями на протяжении достаточно длительного времени до появления лидера, стремящегося к самодержавному правлению.

Отношения между лидером и элитой государства определяют успехи страны в её развитии, а в критические времена и её судьбу. В любом случае, выбирает элита сама лидера или он появляется независимо от её желания, отношения между ними складываются непросто. Особенность отношений между правителем и элитой при самодержавном правлении состоит в том, что от элиты требуется безусловное подчинение правителю, и для неё существуют только две возможности самостоятельного влияния на судьбу страны: формально подчиняясь самодержцу, управлять его действиями (при этом процветает система фаворитизма), или свергнуть самодержца. Эти две возможности знают самодержец и элита, на них и строятся взаимоотношения между ними, и с их учётом самодержец выбирает орудие удержания элиты в своём подчинении. Чем «агрессивнее» самодержец, тем жёстче его методы, сильнее удары по элите и тем активнее желание элиты избавиться от него. Однако и мягкость правления далеко не всегда помогает удержаться самодержцу на своём месте: элита принимает мягкость за слабость, и у неё появляется желание взять от власти больше, чем ей положено. Отсюда возникают противоречия во взаимоотношениях между самодержавным правителем и элитой государства, которые, как правило, разрешаются силовыми методами со стороны правителя для превращения изнеженной, избалованной почитанием государственной элиты в тягловую лошадку, подчиняющуюся своему хозяину и везущую огромный воз государственных проблем.

В книге рассматриваются правления четырёх наиболее «агрессивных» самодержцев на территории современной России: первого русского царя Ивана Четвёртого (Грозного), первого русского императора Петра Первого (Великого), императора Николая Первого (Незабвенного) и первого лидера социалистического государства Иосифа Джугашвили (Сталина). Их правления разделяют века, но духовно они были близки и во многих своих действиях очень похожи.

Цель, поставленная автором данной книги, – найти общее и индивидуальное в методах управления элитой самодержавными правителями России. Общее позволяет сформулировать правило выявления у лидеров государства стремлений к самодержавному правлению, а их характерные индивидуальные особенности дают возможность оценить степень «агрессивности» самодержавного правления. По мнению автора, в этих результатах есть практический смысл для понимания исторических событий прошлого и прогнозирования возможных ситуаций в будущем.

Раздел 1
В поиске орудия управления государственной элитой

«…Москва. Январь 1606 года. Смутное время в Московском государстве. Промозгло-мутная погода на заднем дворе московского Кремля, где обычно проводят царские забавы с дикими животными. Сейчас здесь переминаются с ноги на ногу несколько шеренг стрельцов: без оружия, но в полной амуниции. Кого-то ждут.

На крыльцо выходит Великий московский князь и Царь Всея Руси Димитрий (в простонародье больше известный как поп-расстрига Гришка Отрепьев) в окружении своих приближенных из числа польских шляхтичей. Завидя царя, стрельцы обнажили головы и рухнули ниц по татарскому обычаю. Обозрев море склонённых обнаженных голов, Димитрий засмеялся. Полякам также было весело смотреть на разноцветные русские головы, лежащие у их ног.

Димитрий быстро перешел к делу, обвинив стрельцов в неверности и желании завести крамолу на него, царя, которого сам Бог сохранил и избавил от всех злых умыслов. Стон прошёлся по рядам стрельцов. Со слезами они стали молить о пощаде с просьбой указать им тех, кто навёл на них такую жуткую напраслину. Димитрий повелел вывести семерых стрельцов, на которых ранее пали его подозрения. «Вот они», – сказал он. С диким рёвом набросились стрельцы на своих несчастных товарищей и, орудуя только руками и зубами, разорвали их на части на глазах Димитрия и его весёлых друзей. Царская забава удалась на славу! Стрельцы были прощены. Димитрий со своей компанией вернулся к праздничному столу. Останки растерзанных тел свалили на телегу и отвезли за город на съедение собакам.

Москва примолкла. Великий страх сковал её жителей. Каждый боялся проронить лишнее слово».

Что это такое? Патологическая жестокость средневекового правителя или его подданных? Нет. Для одних участников представленного исторического эпизода это всего лишь способ вызвать страх и удержать подданных в своем повиновении, для других – доказать свою преданность.

Удержание подданных в своём повиновении является главной задачей для любого авторитарного лидера в любой исторический период. Орудия для этого могут быть разные, но суть их отражают два предмета: кнут и пряник. Для каждого народа и для каждого времени – свой кнут и свой пряник. Также и для доказательства своей преданности существуют разные способы, но лучшим является её демонстрация правителю либо государственным структурам, наблюдающим за этой самой преданностью. Все те, кто не демонстрируют свою преданность, ненадёжны и потенциально опасны для авторитарного лидера.

В России, начиная с XV века, сложилась монархически-самодержавная форма правления. Первым московским правителем, принявшим титул самодержца, стал великий московский князь Иван III. Титул самодержца употреблялся им только для того, чтобы подчеркнуть внешний суверенитет государя от ханов татарской Орды. Однако уже при Иване IV (Грозном), в силу централизации власти и уменьшения властных полномочий боярства, понятие «самодержавие» стало использоваться также и для обозначения внутренней власти. Современные русские историки считают, что в российском самодержавии, в отличие от западноевропейского абсолютизма, неправовые методы управления в целом преобладали над правовыми. Например, если европейский монарх мог менять закон, то он должен был ему и сам подчиняться. Русский царь имел право действовать вне закона, по собственной воле, что сближало русское самодержавие с восточной деспотией.

Рассматривая механизмы управления в демократической и самодержавной социально-политических системах, можно отметить, что в первой системе управление осуществляет элита государства, во второй – самодержавный правитель государства через её элиту.

Под элитой понимается совокупность людей, занимающих высшие посты в иерархии статуса и власти, получившие их по положению или по заслугам. Элита состоит из формальной и неформальной частей и может различаться по роду деятельности: политическая элита, научная элита, финансовая элита, военная элита и так далее. Формальная элита базируется в государственных иерархических структурах, осуществляя управление на основе государственных актов, в разработке которых принимает участие лидер государства. Неформальная элита, как правило, является передовой частью общества, пользуется его доверием, отражает и предвосхищает чаяния народных масс, на основе которых и формирует ориентиры их жизненных предпочтений. При помощи этих ориентиров неформальная элита управляет этническим развитием народа, не входя в официальные иерархические структуры, но сохраняя свой моральный статус. Формальная элита видит в неформальной элите своего конкурента и старается принизить её статус любым возможным способом, чем в основном и создаёт проблему «прав человека» в стране с авторитарным правлением.

Отношения между авторитарным лидером и элитой бывают разными: лидер стремиться либо сплотить элиту для эффективного решения государственных задач, либо её расколоть при появлении угрозы для своей авторитарной власти. В первом случае статус элиты повышается, что составляет опасность авторитарности правления лидера, во втором – понижается, элита вязнет в межклановой борьбе, статус лидера растёт. И тот и другой варианты действий авторитарного лидера имеют свои недостатки и преимущества, они определяются субъективными особенностями лидера и складывающейся политической обстановкой.

На первый взгляд реализовать авторитарное управление достаточно просто: имей кнут, пряник и контролируй демонстрацию преданности к себе. Но это, конечно, не так. И орудия нужны разные, и действовать ими надо умело, и следует отличать истинную демонстрацию от ложной. Поэтому и создаётся не одна контролирующая структура, а несколько, да и контроль за контролирующими не помешает. И так далее и тому подобное, одно следует за другим. В конце концов, получается, что авторитарное правление требует значительно больших усилий, чем, к примеру, демократическое.

История свидетельствует, что в России слабый формальный лидер становился либо марионеткой в руках ближнего к нему круга, либо устранялся с помощью «дворцовых переворотов». Бывало и так, что взятие власти элитой приводило к потере «непогрешимости» статуса правящей власти в глазах народа, что далее выливалось в народную смуту (синоним безвластия), создание автономных региональных образований и распад государства. Россия за свою историю пережила несколько периодов потери (или реальной угрозы потери) своей государственности и её восстановления, все они вписываются в так называемую «инъекционную теорию развития русского государства» Н.Я. Данилевского /8/. Он, рассматривая исторический процесс развития русской государственности, для наглядности проводит сравнение с процессом протекания болезни. Можно один раз переболеть и получить иммунитет от болезни на всё жизнь, а можно сделать прививку и иммунитет будет сохраняться только какое-то время. Вот и России понадобились периодические прививки, чтобы вначале создать, а потом поддерживать свой «иммунитет» государственности. Первая прививка, как считает Данилевский, была сделана варягами, призванными на княжение к славянам. Пришедших на Русь варяг было не так много, поэтому они уже в третьем поколении полностью растворились в славянской массе. Но именно варяги создали государство под названием «Киевская Русь». Через некоторое время оно распалось на удельные княжества, которые всё больше и больше разобщались между собой,

что вело к созданию ряда мелких государств по примеру Западной Европы. Понадобилась следующая прививка, которую сделали татарские полчища. Разбив русские княжества, они установили на их территории режим «данничества», при котором сами татары жили отдельно в приволжских и придонских степях, но требовали от русских платить дань, и если её не получали или получали мало, то устраивали опустошительные набеги на Русь. В этих условиях Московское княжество смогло стать посредником между татарами и русскими княжествами, собирая для татар дань с других княжеств и поднимая свой статус среди других русских княжеств. За три столетия татарского мыта русский народ привык платить за свою безопасность через Москву, поэтому после развала татарских орд Москва стала центром русской государственности. Однако, по-видимому, из-за национальных особенностей и больших географических размеров, русская государственность не обрела требуемой крепости, в результате после завершения правления рода Рюриковых она развалилась от слабых ударов польских шаек, и наступило Смутное время. Это стало третьей инъекцией для России. Для закрепления русской государственности был выбран путь крепостного права, введение которого началось при Борисе Годунове и полностью сформировалось при Петре I. Крепостничество распространялось как на низшее сословие, так и на высшее: дворяне «помещались навечно» в различные районы страны и были обязаны нести государственную службу всю свою жизнь.

Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) русский социолог, культуролог, публицист и естествоиспытатель, геополитик, идеолог панславизма, один из основателей цивилизационного подхода к истории, ключевым моментом в котором является цикличность цивилизационного процесса. Уроженец Орловской губернии, сын заслуженного генерала, Данилевский воспитывался в Царскосельском лицее (1836–1843), а затем был вольным слушателем на факультете естественных наук в Санкт-Петербургском университете. Получив степень кандидата и выдержав магистерский экзамен, он был в 1849 году арестован по делу Петрашевского. Проведя 100 дней в Петропавловской крепости, был освобожден от суда, но выслан из Петербурга. Основной труд Данилевского, «Россия и Европа», приобрел в России известность и стал распространяться лишь после смерти автора. Положительно книгу оценили Н. Страхов, К. Н. Бестужев-Рюмин, К. Леонтьев, Л. Гумилёв, В. Розанов. Достоевский назвал «Россию и Европу» «настольной книгой каждого русского». Основательной критике работу Н. Я. Данилевского подверг русский мыслитель и философ В. С. Соловьёв. В советской историографии 1920-х Данилевский характеризовался как крайний реакционер, черносотенец, идеолог экспансии русского царизма.

Если теперь применить «инъекционную теорию русской государственности» после времён, рассматриваемых Н.Я. Данилевским, то получается, что Россия как государство не может существовать без этих периодических «инъекций». После отмены крепостного права в 1861 году понадобилась четвёртая инъекция, которой стали революция и гражданская война 1917 года. Самодержавие было свергнуто, его элита уничтожена или выброшена за пределы государства, начался бурный процесс распада Российской империи. Советской власти, пришедшей на смену царизму, пришлось собирать земли бывшей империи под красными знамёнами, но с теми же великодержавными амбициями и самодержавными принципами власти, замаскированными под личину «диктатуры пролетариата». Эта «диктатура» установила свою форму крепостничества, ликвидировав частную собственность и создав коллективные хозяйства с общественным принципом распределения благ, тем самым прикрепив работников к местам их работы. Пиком достижения государственного могущества Советского Союза можно считать конец 40-х – начало 50-х годов XX века, когда был образован так называемый «социалистический лагерь», куда вошли государства, попавшие в зону влияния Советского Союза после окончания Второй мировой войны. Все послевоенные годы вплоть до 90-х годов прошли

в сражениях «холодной войны» между странами социалистического лагеря, объединёнными Варшавским договором, и трансатлантическим союзом государств НАТО во главе с Соединёнными Штатами Америки.

Действие коммунистической инъекции закончилось в 1991 году развалом СССР и всего социалистического лагеря. Наступило время пятой инъекции. Её сделала коалиция стран, противостоящих Советскому Союзу в «холодной войне» и вышедших из неё победителями. Победители выставили свои условия допуска России в содружество стран объединённой Европы. Суть условий заключалась в короткой фразе: предоставление житейского западноевропейского комфорта взамен отказа от великодержавных амбиций. Изголодавшиеся российские граждане, почти три поколения прожившие за «железным занавесом», приняли «на ура» эти условия, предпочтя осязаемо-материальные блага чему-то непонятно-идеальному. Русские люди кинулись обозревать ранее недоступный окружающий мир и скупать столь желанные товары и услуги. Создалась некая система натурального обмена: мы (Россия) отдаём им свои природные богатства (нефть, газ, железо, лес), за что они (Западная Европа) платят нам своей валютой и делают из полученного сырья предметы жизненного комфорта (машины, одежду, продукты питания, косметику и прочее), которые мы у них покупаем, возвращая им таким образом их валюту. В сложившемся товарном обмене основная масса населения России исключилась из производственного процесса, наиболее успешные люди образовали так называемый «офисный планктон», занимаясь продажей пришедших из-за рубежа жизненных благ. Те, кто смогли, начали искать спокойную жизнь за границей, государство утратило свою значимость на международном уровне, а её граждане – уважение к себе со стороны населения других стран. С этого момента инъекция стала ядом, и в сознание народа пришло понимание, что без великодержавных амбиций Россия превратится в Московскую Русь со средневековыми государственными границами, плетущуюся в арьергарде западноевропейских стран. Начался трудный подъём, проклинаемый «цивилизованным» западным миром, который очередной раз обманулся этой непредсказуемой Россией, почти задушенной в его объятиях. И этот подъём можно связать с приходом В.В Путина к власти в 2000 году, выдвижением тезисов «вставания с колен», «опоры на свои силы», утверждения «многополярности мира» и стремления к возврату России в число «великих» держав мира.

Все перечисленные выше «инъекции государственности» в итоге шли России на пользу, правда, подспудно возникает опасение, как бы Россия не стала наркоманкой, зависящей от «инъекций» внешних «доброжелателей». Преградой от «наркотической зависимости» для России может стать только крепкая государственная власть, которая, к сожалению, не всегда ведёт народ к процветанию, но обеспечивает сохранение народа в рамках государства.

Если рассматривать историю российской государственности на протяжении пяти веков (со времен Московского царства до конца XX века), то можно выделить четырех наиболее «крепких» правителей на территории современной России: первого русского царя Ивана Четвёртого (Грозного), первого русского императора Петра Первого (Великого), русского императора Николая Первого (Незабвенного) и первого лидера социалистического государства Иосифа Джугашвили (Сталина). Все они самодержавно правили в разные времена, но духовно были близки, и исторически последующие правители с большим уважением и даже почитанием относились к исторически предыдущим.

Иван Грозный. Правил пятьдесят лет (1533–1583). Он впервые, можно сказать, «представил» Русь цивилизованному европейскому сообществу. Это «представление» произошло на берегах Балтийского моря, куда Московское государство вышло с намерениями равноправного участия в европейской торговле. «Намерения» были не поняты западноевропейскими странами, и Русь оказалась в дипломатическом и военном конфликте с Ливонией (включающей территории современных прибалтийских стран – Эстонии и Латвии), Польшей, Литвой, Швецией, Германией, Данией и попыталась (правда, безуспешно) завлечь на свою сторону Англию.

Перед европейским походом Иван Грозный силой присоединил к своим границам Казанское и Астраханское ханства и не преминул привести к стенам европейских городов татарские орды, ранее незнакомые Западной и Северной Европе. Этим он достиг многого: напугал Европу на всю последующую историю её существования, увеличил своё войско мобильными татарскими отрядами и отвлёк Казань и Астрахань от возможного противостояния с Москвой, предоставив татарам привычное для них занятие – участие в завоевательных набегах. С тех пор и по настоящее время лицо России для Европы стало представляться в татарских чертах.

Пётр Первый. Правил тридцать два года (1689–1721). Остановил безуспешное движение Руси к достижению самодостаточного совершенства, развернув её лицом к цивилизованному Западу. «Прорубил окно в Европу», доведя до логического завершения желание Ивана Грозного выйти границами России к Балтийскому морю. Создал Российскую империю европейского типа, тем самым ввёл её в круг европейских государств. На берегу Балтики построил столицу империи, сказав сакраментальную фразу: «Отсель грозить мы будем шведу», что мы и делаем до сих пор, правда, грозим не только шведу, но и остальным гражданам европейских стран.

Николай Первый. Правил тридцать лет (1825–1855). Используя итоги победной для России войны с Наполеоном, стал фактическим хозяином Европы, не без основания заявляя, что без его разрешения ни одна пушка не выстрелит в Европе. Впервые в истории России распространил правила самодержавного правления на неформальную элиту, введя цензуру на все проявления творческой деятельности в Российской империи. Усмирил Северный Кавказ, присоединил Польшу к границам империи, но в конце своего царствования получил весомую крымскую оплеуху от убежавших в очередной раз вперёд в своём техническом развитии европейских государств. Его самодержавным потомкам пришлось снова перестраивать страну по европейским лекалам. Перестройка закончилась в начале XX века полной ликвидацией царского самодержавия.

Иосиф Сталин. Правил двадцать восемь лет (1925–1953). Как ни странно, одежда самодержавия оказалась впору и новым властям России, пришедшим на смену царской монархии. Низвергнув царское самодержавие, большевики установили своё, пролетарское. Сталин создал с имперским характером Советский Союз, который к концу правления большевистского самодержца разделил Европу на две части – Западную и Восточную. Её восточная часть в составе государств-сателлитов стала буферной зоной между Советским Союзом и Западной Европой. В последующем противостоянии между Востоком и Западом Советский Союз скатился до морального и материального коллапса, и имперский колосс рухнул на колени перед техническим прогрессом западноевропейских государств. Началась следующая перестройка вновь образованной Российской Федерации и опять по европейским правилам. Так, в конце XX столетия закончился очередной круг отношений между Европой и Россией. С приходом XXI века забрезжило начало следующего: Россия изготовилась вставать с колен.

Перечисленные выше самодержцы покинули сей мир естественным путём, оставив всех изумлёнными от своих свершений. Залогом их успехов стало, помимо, безусловно, выдающихся способностей, умение заставить элиту государства эффективно работать, подчинить её своей воле, можно сказать «оседлать и подхлёстывать» её, не давая ей ни расслабиться, ни скинуть своего властителя. В следующих разделах мы попытаемся разобраться, как им это удалось.

Раздел 2
Плётка Иоанна Четвёртого (Грозного)

«…Москва. 25 июля 1570 года. Запруженная толпой рыночная площадь, называемая в народе Поганой лужей. В окружении стрельцов и людей в чёрном, на сером в яблоках коне сидит Великий московский князь и Царь Всея Руси Иоанн IV. Конь волнуется, переступает с ноги на ногу и косит на толпу глазом. Народ испуганно смотрит на приготовления к казням. Обращаясь к толпе, царь зычным голосом спрашивает: «Правильно ли я делаю, что хочу покарать своих изменников?» В ответ слышатся отдельные громкие крики: «Живи, преблагой царь! Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их!» Стража выводит на площадь более сотни человек, и дьяк Казённого приказа зачитывает список осуждённых, в котором фамилии известных бояр и дворян, главных дьяков московских приказов и дворцовых слуг. Дьяк перечисляет список преступлений каждого: трудно разобрать, в чём их вина, но везде слышится одно и то же слово – «измена». В зависимости от степени вины и наказание разное: одного режут живьём на части, другого кидают в кипяток, третьего сажают на кол. Людям, менее известным, а значит менее виноватым, просто отрубают головы.

Так Иоанн Грозный воспитывает элиту Московского государства».

В период правления Иоанна IV элиту Московского государства составляло именитое боярство, входившее в состав Боярской думы, и руководство Русской Православной Церкви – митрополит и епископы. Постепенно набирали силу и «дворовые люди Государя» – дворяне, используемые в различных приказах для проведения решений царя и Боярской думы, а также в качестве контроля их выполнения. Заявляла о себе и верхушка посадского населения, в основном богатое купечество. Все они вместе представляли население Московии на Земских соборах, которые за время царствования Иоанна IV собирались дважды. Высшими органами церковной элиты являлись церковные соборы русских святителей, которые, как правило, созывались по предложению царя.

Формальным лидером государства Иван стал в младенчестве, после смерти отца, и первые четыре года страной управляла его мать, Елена Глинская, а потом, уже после её смерти, бразды правления взял боярский опекунский совет. Вся формалистика правления очень досаждала маленькому Ивану и оставила в нём тягостные детские воспоминания, так что после своего совершеннолетия, наступившего в пятнадцать лет, его, можно сказать, «понесло»: он начал буйствовать с проявлением жестокости. Вначале мучил и убивал животных, потом и людей. В истории запечатлен случай, когда по его приказу был затравлен собаками один из приближённых чиновников, не понравившийся ему, а Иван спокойно наблюдал за страданиями несчастного человека. Тогда же он стал возвращать те обиды, которые, как ему представлялось, были нанесены его опекунами. Это вмиг уловило его окружение и стало использовать эти мальчишеские, но далеко не безобидные «шалости» в своих целях, устраняя таким образом своих конкурентов. Такой подход в борьбе за власть между персоналиями ближайшего круга царя практиковался и в дальнейшем в течение всего его царствования. Для этого нужно было совершить два действия: войти к царю в доверие, а затем указать ему тех, кто не достоин царской милости. Лишение царской милости, как правило, приводило к лишению самой жизни неудачника, а то и жизни всей его родни.

В 1547 году в свои семнадцать лет Великий московский князь Иван женился на Анастасии Романовне Захарьиной. Венчание молодых, согласно завещанию отца Ивана, Великого московского князя Василия, совместили с венчанием жениха на царство. Иван официально стал первым русским царём под именем Иоанн IV (в роду Рюриковых было еще три Великих князя с именем Иоанн; Иоанн III был дедом Иоанна IV).

Царю надлежит властвовать, чему, к сожалению, Иоанна не учили, а надобность в этом проявилась буквально сразу после венчания: в Москве произошли сильные волнения посадского населения. Они показали новоиспеченному царю, что он далеко не всемогущ в своем царстве, что там, в глубине народных масс, идут неизвестные ему процессы, над которыми он не властен. Народные волнения и последующий за ними большой московский пожар он расценил как свидетельства Божьего наказания за его предыдущую греховную жизнь. Это был сильнейший психологический стресс для неопытного молодого властителя, ему нужна была действенная поддержка от людей, которым он смог бы довериться. Первым из них стал священник кремлёвского Благовещенского собора Сильвестр. Своим красноречием и эмоциональным призванием к покаянию Сильвестр произвёл на Иоанна огромное впечатление, став на ближайшие тринадцать лет его доверенным советником практически по всем вопросам, а также неформальным лидером группы единомышленников, члены которой возглавляли правительство государства до 1560 года и остались в истории как «избранная рада». Для Иоанна это был опыт правления с помощью отобранной небольшой группы доверенных людей.

А что же представляла собой «избранная рада»? Здесь у историков много противоречий: кто-то под ней подразумевает царёву думу, кто-то ближнюю думу, а кто-то вообще отрицает её существование. Автором этого термина является князь Андрей Курбский, употребивший понятие «избранная рада» в своей книге «История о Великом Князе Московском». Однако большинство историков сходятся во мнении, что она представляла некую неформальную организацию, поскольку никаких документов, исходящих от неё, в истории не было зафиксировано. Наиболее точен в определении, пожалуй, С.Ф. Платонов, который называет «избранную раду» частным кружком в виде собрания друзей. Далее идут разногласия в том, каких именно друзей. Тот же С.Ф. Платонов называет их «доброхотающими». В противоположность ему, наш современник И.Я. Фроянов считает, что «то были замаскированные недруги русского Царства и, следовательно, Царя Ивана Грозного» /28, с. 494/, а один из наиболее известных и серьёзных исследователей эпохи

Ивана Грозного – А.А. Зимин – даёт им определение «реформаторов в положительном направлении».

Александр Александрович Зимин (1920–1980) – советский историк, исследователь русского средневековья. Родился в Москве. Мать происходила из рода графов Каменских. Отец умер во время Гражданской войны, ещё до рождения сына. В 1938–1941 годах учился на историческом факультете МГУ, но, в связи с эвакуацией ВУЗа, окончил историко-филологический факультет Среднеазиатского университета. Позднее обучался в аспирантуре Института истории АН СССР, которую окончил в 1947 году. Доктор исторических наук, диссертация «И. С. Пересветов и его современники». С 1947 года сотрудник Института истории АН СССР, одновременно преподавал в Московском государственном историко-архивном институте. Специалист в области истории России с XI по XVIII вв. Создатель научной школы. Зимин был и остаётся гордостью российской исторической науки, учёным с мировым именем. Не только российские, но и иностранные коллеги относились к нему с глубочайшим почтением.

Сам Андрей Курбский называет их «лучшими людьми государства». Много вопросов и к составу «избранной рады». Вряд ли сам Иоанн отбирал туда людей. Это делали те, кому он доверился, в первую очередь священник Сильвестр и князь Андрей Курбский, бывший в то время личным другом Иоанна. Наиболее достоверно известно, что в «избранную раду» входили Сильвестр, А.Ф. Адашев, А.М. Курбский, дьяк Висковатый, князь Курлятев-Одоевский и, вполне возможно, даже митрополит Макарий. Что же делали эти, как говорит Курбский, «лучшие мужи»? И сам отвечает: «Сие творят, сие делают – главную доброту начинают: утверждают царя! И якого царя? Юного, и во злострастиях и в самоволствии без отца воспитан-

ного, и преизлище прелютого, и крови уже напившися всякие, не токмо всех животных, но и человеческия!» /12, с. 329/. Этому можно поверить и даже добавить, что Ивану, воспитанному «во злострастиях», на этапе своего становления как правителя, повезло. Всё было у него в то время: сам он – венчанный царь, рядом молодая любимая жена, единомышленники-друзья, опытные толковые царедворцы, – что еще нужно для разрываемого своей внутренней энергией молодого человека, стоящего на пороге большой жизни и великих свершений?

Насколько грамотны и профессиональны были члены «избранной рады»? Здесь также существует масса противоречий в оценке их качеств, причём оценки зависят от времени их проведения. Однако если исследовать биографические данные членов «избранной рады», впечатление о них в основном складывается хорошее. Давайте коротко рассмотрим четыре наиболее яркие личности.

Священник Сильвестр был родом из Новгорода и являлся земляком митрополита Макария. Вполне возможно, что он попал в кремлёвский Благовещенский собор по его протекции и ещё до московского пожара познакомился с царём. Сильвестр «выделялся своим бескорыстием в толпе стяжателей, сребролюбивых и пьяных князей церкви… Начав карьеру священником Благовещенского собора, он закончил жизнь в том же чине» /22, с. 41/. Известно, что он освободил от крепостной зависимости своих работников, а это считалось в то время вольнодумством и даже ересью, разрушающей традиционные церковные и светские институты Руси того времени. Сильвестр был, безусловно, хорошо образован, являлся автором одного из литературных памятников XVI века – книги «Домострой», где были изложены нормы внутренней, домашней жизни русской семьи средних веков. Сильвестр имел на царя наибольшее влияние среди членов «избранной рады».

Вторым по значимости человеком, входившим в «избранную раду», был Алексей Адашев. Его отец, Фёдор Григорьевич Адашев, был боярином и занимал видное место ещё при отце Ивана Грозного, великом князе Василии. Он успешно занимался международными делами и уже в царствование Иоанна в 1538 и в 1547 годах был направлен в Стамбул к турецкому султану посланником. Вместе с ним ездил и его сын Алексей Адашев, пробывший в Стамбуле около года. Этот факт после событий 1560 года стал интерпретироваться, по утверждению И.Я. Фроянова, как причина последующей измены царю. Хотя именно его пребывание у турок, давшее ему знания их политики, нравов и языка, так нужных во время подготовки и ведения войн с татарскими ханствами, по-видимому, стало причиной его включения в «избранную раду». В правительстве Адашев занимался внутренней политикой и был автором реформы, которая должна была позволить «дворовым людям Государя» (дворянам) войти в правление государством. Частично ему удалось это сделать.

Игорь Яковлевич Фроянов родился в 1936 в семье кубанского казака, майора Красной армии, репрессированного в 1937 году. Поступил на исторический факультет Ставропольского педагогического института. С 1963 года Фроянов обучался в аспирантуре исторического факультета Ленинградского государственного университета. Защитил в 1973 году докторскую диссертацию «Киевская Русь. Главные черты социального и политического строя», профессор. С 1982 по 2001 год – декан исторического факультета, а с 1983 по 2003 год – заведующий кафедрой истории России. В настоящее время Фроянов продолжает научную и преподавательскую работу на факультете, занимается также общественной деятельностью. Он, безусловно, является почитателем правления Ивана IV и считает его в полной мере соответствующим судьбоносному для страны моменту. По мнению Фроянова, царь Иван IV и митрополит Макарий созидали «истинно христианское Самодержавие», а внутренние враги, в частности в лице «избранной рады», этому препятствовали.

Андрей Курбский, ровесник царя, был его личным другом, одним из самых родовитых бояр, и он всегда (в отличие от Алексея Адашева) поддерживал боярскую партию. Искусный

военачальник, отличился во всех войнах, проводимых царём за время их совместной деятельности.

Ну и, наконец, дьяк Висковатый. Он занимался внешней политикой государства, с 1549 года стоял во главе Посольского приказа. В истории о нём остались только положительные отзывы как о наиболее грамотном дипломате того времени, он успешно работал, заслужив уважительное отношение со стороны своих зарубежных коллег. Действительно, было невероятно трудно вести дипломатическую работу, находясь в напряжённых, а в большей степени, военных отношениях с тремя татарскими ханствами и пятью европейскими странами, заключать массу перемирий, борясь за преимущество в них. Надо сказать, что Висковатый дольше всех из членов «избранной рады» продержался в ближнем кругу царя, попав под репрессии во второй их волне в 1568–1572 годах.

Сам царь Иоанн IV активным образом участвовал в дипломатической работе, вёл обширную переписку с главами государств. Дипломатические способности царя оценивались по-разному: так, например, Р.Г. Скрынников говорит: «Определяя

внешнюю политику России, Иван руководствовался больше собственным нетерпением и высокомерием, чем трезвым расчётом» /22, с. 71/.

Руслан Григорьевич Скрынников (1931–2009)– советский и российский историк, доктор исторических наук, профессор Ленинградского, затем Санкт-Петербургского университета, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Родился в семье служащих в Кутаиси. В 1948 году поступил в ЛГУ, где специализировался на средневековой истории. В 1960 году стал преподавателем на историческом факультете ЛГПИ. В 1966 году вышло в печать «Начало опричнины», в 1967 году Скрынников защитил докторскую диссертацию «Опричнина Ивана Грозного». В 1973 году профессор Скрынников был приглашен на исторический факультет ЛГУ. В течение почти двух десятков лет Скрынников всесторонне исследовал эпоху Ивана Грозного. Всего перу Скрынникова принадлежат более 50 монографий и книг, свыше сотни статей по русской истории в ведущих научных, общественно-политических и литературных журналах, многие из которых были переведены в США, Польше, Германии, Венгрии, Италии, Японии и Китае. Наиболее важные результаты научных исследований были изложены Скрынниковым в докладах на мировых конгрессах, международных конференциях и семинарах. Скрынников выступал в различных странах в качестве почетного приглашённого профессора, был гостем Британской академии.

Годы сотрудничества Иоанна IV с «избранной радой» почти всеми историками оцениваются как наиболее эффективные в его царствовании. Во внутренней жизни страны был проведён ряд реформ, направленных на централизацию государства: проведены Земская и Губная реформы («губа» соответствовала административному округу, позднее получившего название «губерния»); приняты новый Судебник, который подтвердил право свободного перехода крестьян, и Уложение о службе; отменили кормление бояр, позволявшее им избегать налогов, провели преобразования в армии. В 1549 был созван первый Земский собор, а через два года – Стоглавый собор русских святителей, принявший сборник решений о церковной жизни русского православия (так называемый «Стоглав»).

Во внешней политике также были большие успехи. За 1547–1552 годы царь провёл три похода на Казань, в результате под его власть попало Казанское ханство. В 1554–1556 годах успешно совершены два похода на Астрахань, закончившиеся присоединением к Руси Астраханского ханства. В этот же период были успешно отражены три нападения со стороны Крымского ханства. Все эти войны обезопасили южные границы Московского государства, значительно увеличили его территорию и дали возможность осваивать плодородные южные земли. Одновременно с походами на Астрахань в 1554–1557 годах была успешно проведена война

со Швецией, в результате которой Московское государство вышло к границам Ливонии, чьи земли перекрывали проход к берегам Балтийского моря. Практически сразу после этой войны был совершён удачный разведывательный набег на Ливонию, и на берегу Балтийского моря, недалеко от Нарвы, был заложен русский город-порт с перспективой построения русского морского флота и налаживания прямых торговых отношений с прибалтийскими странами. Идея этого похода и его реализация была выполнена самим царём, этим он как бы сдал экзамен на самостоятельное правление могучим государством, неожиданно для Европы возникшим на её восточных границах.

В итоге Русь заканчивала пятидесятые годы XVII века очень успешно, и ничто не предвещало прерывания её поступательного движения в сообщество европейских государств с доступом к их культуре и современным технологиям. Да и сама Русь была нужна Европе в борьбе с Османской империей, которая хозяйничала на юго-востоке континента и уже подбиралась к столице Австрии, Вене.

Османская империя, также Оттоманская империя, Оттоманская Порта или просто Порта (на Западе слова «Османская империя» и «Турция» использовались как взаимозаменяемые) государство, созданное в 1299 году тюркскими племенами Османа I в северо-западной Анатолии. После падения Константинополя в 1453 году Османское государство стало именоваться империей. В XV–XVII веках Османская империя достигла наивысшей точки своего влияния, особенно в период правления Сулеймана Великолепного. В этот период Османская империя была одной из самых могущественных стран мира: многонациональное, многоязычное государство, простиравшееся от окраин Вены, Королевства Венгрия и Речи Посполитой на севере, до Йемена и Эритреи на юге, от Алжира на западе, до Каспийского моря на востоке. Под её владычеством находилась большая часть Юго-Восточной Европы, Западная Азия и Северная Африка. Её земли охватывали часть Европы, Азии и Африки. Правление османской династии длилось 623 года.

Но вдруг в 1560 году Иоанн порывает все свои отношения с «избранной радой» и резко меняет методы и курс своего правления. Почему он это сделал, зачем нужно было уходить от хорошего и что заставило царя искать лучшее? Какие разногласия появились между царём и «избранной радой»? В этом вопросе надо, пожалуй, довериться Р.Г. Скрынникову. Он провел тщательные исследования и привёл следующие причины разлада с «избранной радой».

Первая причина. Адашев и Сильвестр не поддержали стремление Иоанна начать Ливонскую войну, имевшую цель выйти на берега Балтийского моря, которое для Руси было закрыто Ливонией и Швецией. К Балтийскому морю стремился ещё дед Иоанна IV – основатель Московского государства Иоанн III, поскольку выход на

Балтику позволял Руси самостоятельно без посредников торговать с Европой сельскохозяйственными товарами и получать от неё промышленные изделия и современные технологии. После удачной войны со Швецией эта перспектива стала реальнее. Однако имелись два внешних фактора, мешавшие войне, и которые, по-видимому, понимали члены «избранной рады». Во-первых, на юге государства продолжалась война с Крымским ханством, правитель которого хан Девлет-Гирей не скрывал желания вернуть под свою власть земли Казанского и Астраханского ханств, а Москву сделать своим данником. Крымских татар поддерживала могучая Османская империя, да и Польша склоняла их к нападениям на южные рубежи Московского государства. Во-вторых, противниками выхода России к Балтийскому морю были североевропейские страны. Они видели слабость Ливонии и имели желание сами полакомиться её землями. Сопредельные с Ливонией государства: Литва, Швеция, Дания и Польша стремились к разделу Ливонии между собой. За ними стояла и Германия, которая никак не хотела допустить Русь к Балтике, так как это сразу создало бы проблемы для Пруссии. Война Московского госу-

дарства с Ливонией могла перерасти в войну с перечисленными государствами или, по крайней мере, с их частью, а Русь была не готова к такой войне, поскольку европейские страны использовали более современную тактику войны и оружие, чего не имело Московское государство. Москва могла оказаться в кольце фронтов – на западе, севере и юге, а в случае объединения противостоящих стран – и с их содружеством. Что, в конце концов, и получилось.

Второй причиной было противостояние царю со стороны влиятельного родовитого боярства. Их устраивала война на южном фронте, так как она устраняла традиционного для Руси врага – татар и давала боярству возможность освоить плодородные южные земли. Война на севере становилась боярам ненужной по многим обстоятельствам, в том числе и по родственным связям с литовской элитой. В результате «избранная рада» оказалась как бы на одной стороне с главным внутренним врагом Иоанна – боярством. Этого он своим бывшим соратникам простить не мог.

Третья, семейная. Адашев и Сильвестр имели плохие отношения с Захарьиными, семьёй жены царя (и соответственно с самой женой), не без основания полагая, что они стремятся к власти, оттесняя их. Данный факт использовали недруги «избранной рады». Болезнь и смерть жены царя, Анастасии, в 1560 году были преподнесены Иоанну как ворожба со стороны Сильвестра.

Четвёртая, и, наверное, всё-таки основная: царь выучился управлять государством, и советы «избранной рады» ему становились в тягость, тем более на фоне вышеперечисленных причин. Царь почувствовал в себе силу и желание править самодержавно. Ведь во всех реформах ему больше всего нравилась направленность на уменьшение боярского влияния, а попадать под влияние своих советников ему явно не хотелось.

Официально объявленной причиной разрыва стала измена. Эта причина оставалась основной, и, пожалуй, единственной при проведении всех последующих репрессий. С членами «избранной рады» поступили ещё более или менее мягко. Священник Сильвестр был отправлен на вечное заточение в Соловки, а Адашев взят под стражу, где и умер от болезни через два месяца. Андрей Курбский в своём последнем походе на Полоцк (в рамках Ливонской войны) командовал передовым полком, отличился при взятии города. После суда над Сильвестром он подвергся опале, был направлен в Юрьев наместником Ливонии, однако, видимо, находился там под надзором. Не желая повторять судьбу других членов «избранной рады», он бежал из Юрьевского замка, причем довольно экзотическим способом, спускаясь на верёвке по стене замка. К побегу готовился, поскольку имел при себе большую сумму денег, которой он воспользоваться в дальнейшем не смог: деньги у него отобрали на границе литовские пограничники, отняли лошадей, а самого избили. Так один из самых богатых людей Московского государства, имеющий вотчины в Ярославле, оказался нищим за границей. Он обратился за помощью к королю Литвы и сразу стал на путь предательства: выдал всех московских разведчиков при королевском дворе. В дальнейшем он активно участвовал в Ливонской войне на стороне Литвы и Польши, за что был достаточно щедро вознаграждён.

По сути дела, все обвинения к Андрею Курбскому появились только после его побега в Литву. В своём первом послании к нему царь предъявил одну политическую претензию – якобы он «изменнически пожелал стать Ярославским князем», и одну претензию морального плана: «Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а воздаяние? В конце концов все равно умрешь. Если же ты убоялся смертного приговора по навету, поверив злодейской лжи твоих друзей, слуг сатаны, то это и есть явный ваш изменнический умысел, как это бывало в прошлом, так и есть ныне» / перевод Я. С. Лурье и *О. В. Творогова/. Но тут уж, извините меня, надо было погибнуть не только безвинно, но ещё и в мучениях, а это уж совсем плохо.*

1564 год стал для Иоанна переломным в его правлении. Р.Ю. Виппер подводит итог этого периода царствования Иоанна IV следующей фразой: «Если бы Иван IV умер в 1566 году в момент своих величайших успехов на западном фронте, своего приготовления к окончательному завоеванию Ливонии, историческая память присвоила бы ему имя великого завоевателя, создателя крупнейшей в мире державы, подобно Александру Македонскому» /6, с. 173/. Однако Иоанн прожил ещё долгих восемнадцать лет, и именно с этого года он по праву получил имя «Грозный».

Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954), русский и советский историк, действительный член АН СССР по Отделению истории и философии. Родился в Москве, в 1880 году окончил историко-филологический факультет Московского университета; учителями Виппера были В. И. Геръе и В. О. Ключевский. С 1897 по 1922 год – профессор Московского университета. С 1910 года – действительный статский советник. После Октябрьской революции против Виппера как историка выступил В. И. Ульянов (Ленин). Эмигрировал (был выслан) в Латвию, в 1924–1941 годах преподавал в Латвийском университете в Риге. С начала войны вернулся в Москву, в 1941 году Виппер стал профессором Московского института философии, литературы и истории. В 1941–1943 годах преподавал в Среднеазиатском государственном университете в Ташкенте. Там же подготовил и опубликовал в 1942 году второе издание книги «Иван Грозный», которая, по всей видимости, понравилась И.В. Сталину, результатом чего было избрание в 1943 году в Академию наук СССР. В конце жизни пытался работать в рамках марксизма, преподавал в МГУ.

Разорвав отношения с «избранной радой», Иоанн остался один на один со всеми государственными проблемами. Из бывшего состава друзей-помощников только дьяк Висковатый продолжал заниматься международными делами, а потом печатными, до 1570 года. Во всех других делах Иоанну опереться было не на кого. Но тридцатичетырёхлетнему самодержцу опора была уже не нужна. Он требовал безоговорочного подчинения себе и неукоснительного выполнения своих решений. Для приведения всех к полному повиновению было выбрано орудие – «кнут», причина его использования всегда одна и та же – измена. Он ни разу не попытался изменить причину или «достать пряник» для своих внутренних мнимых или действительных врагов. «Пряники» были только для исполнителей процесса приведения к повиновению.

Вначале, после побега Курбского за границу, Иоанн использовал «кнут», так сказать, казённого образца. От него в первую очередь пострадали родственники Курбского и Адашева, затем круг репрессированных расширился, захватывая семейства именитых бояр, каким-либо образом связанных с правительством Адашева. Однако казённый «кнут» оказался слаб, «развернуться» во всю мощь царю не давала Боярская дума. По законам того времени, чтобы осудить боярина, нужно было её согласие. Для частичного решения этой проблемы, царь сделал неординарный и рискованный шаг, инсценировав своё отречение от трона. Опасность этого шага заключалось в том, что Боярская дума могла принять это отречение, и царь Иоанн остался бы у «разбитого корыта». Правда он надеялся на поддержку народных масс, но это привело бы к гражданской войне в стране и тогда прости-прощай все его грандиозные внешнеполитические планы. Чтобы максимально обезопасить себя от такого варианта событий, он тщательно подготовился. В декабре 1564 года он выехал из Москвы с обозом в сотни повозок под охраной стрельцов, увозя с собой в заранее укреплённую Александровскую слободу всю государственную казну и самые почитаемые церковные святыни. С ним же уехали и приближенные к нему люди-управленцы. Из Александровской слободы он известил митрополита и Боярскую думу об оставлении своего трона, заявив, что не может более видеть боярского беззакония. Когда же духовенство и выборные чины всех сословий явились к нему с нижайшей просьбой принять правление, он согласился, но с условием, чтобы ему не запрещали казнить изменников. Все

согласились. Основное, чего он добился в результате своего псевдоотречения, – вершить суд над боярами без согласия Боярской думы.

Теперь нужно было найти исполнителей. Выбор был небольшой. Воевать с его главным внутренним врагом, боярством, могло только нарождающееся дворянство. Однако дать ему весь набор привилегий, чтобы завлечь на свою сторону, он не мог: для этого в Московском государстве не было достаточных свободных ресурсов, да и такой процесс занял бы слишком много времени. Иоанн торопился. Ему пришла на ум парадоксальная по своей сути идея: для наведения законного порядка в государстве создать организацию, стоящую, как и он сам, самодержец земли русской, над законами государства! Это уже будет не слабый казённый «кнут», а сильная, безжалостная плётка в его руках, держащая в страхе всех его ненавистников и используемая им быстро и без ненужных формальностей. Далее его фантазия заработала в полной мере: организация должна стать закрытым военизированным сообществом, выметающим и выгрызающим измену из его, Иоанна, государства и подчиняющаяся только ему; внешний вид члена сообщества должен внушать ужас окружающим – чёрную, почти монашескую форму, дополняли привязанные к седлу коня метла и собачья голова. Материальная основа функционирования этого сообщества также не должна зависеть от кого-либо, кроме самого царя. Для этого он провёл в 1565 году земельную реформу под названием опричнина (опричнина – особенность, отдельность от чего-либо).

Опричнина поделила всю московскую землю на две части: личный княжеский (царский) удел (Суздальский, Можайский и Вяземский уезды, а также уезды на севере и главные центры солепромышленности, приносящие значительный доход их владельцам) и земские (государственные) земли. Свою удельную землю Иоанн начал раздавать небогатому дворянству и из владельцев этой земли создавать военизированную организацию, по сути, внутреннюю армию, предназначенную, как Иоанн объяснил, для охраны царя от изменников-бояр. Дворяне, входившие в состав этой армии, стали называться «опричниками» – производным словом от названия земельной реформы. Людей туда подбирали тщательно, в основном из худородных дворян, не знавшихся с боярами. Самое главное, что получили опричники – это привилегии, несравнимые с остальными служилыми московскими людьми. У тех землевладельцев, земли которых вошли в царский удел, а они сами не попали в опричнину, была проведена конфискация земель. Налоги, собираемые с земель царского удела, в том числе и с предприятий солепромышленности, шли на обеспечение армии опричников. Объявленной целью этой армии была защита царя и борьба с изменой в государстве, в основном фиксируемой в заговорах именитого боярства.

Однако если тщательно рассмотреть события тех лет, можно понять, что никаких серьёзных заговоров против царя среди боярства не было. Да, недовольных было очень много (недовольство властью в России является национальной чертой), было много «нехороших» разговоров, но всё это ничем себя нигде не проявило: ни в найденных документах того времени, ни в практических действиях боярства. Единственное, что бояре могли делать и делали – это бежать за границу, в Литву. Но поток беглецов был двухсторонний: кто-то уходил с Московской Руси в Литовскую Русь, кто-то наоборот. Никто из бояр, занимавших высокое положение, в том числе и в армии, не использовал силовые методы, даже для собственной защиты. Ведь опричников была всего тысяча человек (потом их количество увеличили до полутора тысяч), а под рукой у опальных бояр, бывало, находились тысячи вооружённых людей.

Показателен следующий пример: боярин Дмитрий Курлятев после суда над Сильвестром попал в опалу к царю и был назначен воеводой в Смоленске. Вот так опала: Смоленск самый главный опорный пункт на границе с Литвой, одна из самых мощных крепостей с гарнизоном не в одну тысячу воинов. Оттуда он прислал оправдательное письмо царю, из которого «само собой напрашивается предположение, что Курлятев предпринял попытку уйти из Смолен-

ска в Литву, но был задержан и старался доказать царю, будто заблудился в дороге. То, что он «заблудился» со всем своим двором и вооружённой свитой, вызвало особое подозрение у властей и послужило уликой против опального». Результат: «Ненавистного царю «великого боярина» заточили в отдалённый монастырь на Ладожском озере. Монашеский клобук вынуждены были надеть также все члены опальной семьи» /22, с. 77–78/. И таких «заговорщических» действий можно привести десятки, примеров каких-либо силовых действий со стороны заговорщиков нет.

Напрашивается вопрос: так зачем царю нужно было вести эту «внутреннюю» войну с помощью «внутренней» армии опричников? Маниакальная психическая болезнь?

Да, с психикой у него было не в порядке, но не до такой же степени и не во время одновременно ведущихся нескольких внешних войн! Устранение бояр как возможных претендентов на власть? Но другой властной структуры в то время просто не было, дворянство только начало свой поход за властью. Устранение от власти удельных князей (то есть тех, кто пришёл в Московское государство со своими «уделами» – княжествами, землёй и населением)? Вполне возможно, но их было не так уж много, чтобы вести с ними войну в течение двадцати лет. Опять не сходится. Всё-таки наиболее вероятная причина создания опричнины – это наведение порядка в стране, как его понимал сам Иоанн. Опричнина играла роль плётки, которой царь хлестал правящую элиту страны, заставляя её выполнять свои самодержавные замыслы. Другого пути он не нашёл. Боярская элита создавалась поколениями властителей до Ивана Грозного, она видела, как цари приходят и как уходят, знала вклады своих родов в этот процесс и, в глубине своего самосознания, считала себя, по крайней мере, не менее достойной, чем сам царь. В своих удельных вотчинах бояре делали всё, что хотели и как хотели: жили по своим законам, не соответствующим государственным, за хозяйственную деятельность никак не отчитывались, налоги не доплачивали, а то и вообще не платили, свою службу в государстве несли, когда хотели, и выставляли ратников для государства также с обманом. Правящая верхушка в Новгороде и Пскове бесконтрольно наживалась, горожанам и государству мало что оставалось от достаточно больших сумм, получаемых от торговой деятельности и таможенной службы. Кроме этого, пользуясь своим пограничным положением, Новгород и Псков могли шантажировать Москву возможностью перехода под юрисдикцию Литвы. Иоанну пришлось бороться с беззаконием незаконными методами. Положительный эффект достигался введением в состояние страха всех: виновных и невиновных. В свою очередь беззаконие развращало исполнителей и порождало новое беззаконие. Именно это не могло привести к успеху все задуманные Иоанном грандиозные и исторически нужные мероприятия.

Непростые отношения сложились у Иоанна Грозного и с церковной элитой. Противоречия Иоанна с церковью начались намного раньше: со Стоглавого собора 1551 года. Тогда, подняв уровень дворянства на законодательном уровне в новоизданном Судебнике, надо было укрепить его и экономически, то есть дать землю. Землю взяли у монастырей.

К этому времени свободной земли не было, она была поделена на три части: черносошная (государственная), вотчинская (боярская и «детей боярских», то есть мелковотчинская, поделённая между детьми бояр, почивших в бозе) и монастырская. Монастырская земля занимала почти треть центральной части страны. Было принято решение обеспечить дворян землёй за счёт монастырей. Один из вопросов, заданных Иоанном на соборе, именно так и был сформулирован: <<Достойно ли монастырям приобретать землю?», и в мае 1551 года был издан указ о конфискации всех земель и угодий, переданных Боярской думой епископам и монастырям после смерти Василия III. Но на тот момент церкви всё-таки удалось отстоять основную часть своих земель.

Во время опричнины и Ливонской войны царю понадобилось много денег и он опять обратился к церковным землям. Назрел конфликт, церковь начала требовать от царя отмены опричнины. Из-за несогласия царя митрополит Афанасий в 1566 году демонстративно сложил с себя сан и удалился в Чудов монастырь. На его место был назначен митрополит Филипп (Колычев), который также всё время уговаривал царя отказаться от опричнины и поддерживал боярскую оппозицию. К 1568 году это противостояние перешло в открытое столкновение между царём и митрополитом. Дело кончилось судом над Филиппом, приговор был исполнен прямо в храме после службы, с митрополита сорвали клобук и мантию и он был отправлен на вечное заточение в тюрьму Богоявленского монастыря.

Первые удары опричной плётки Грозный нанёс по своим ближайшим родственникам, Рюриковичам, – суздальским удельным князьям Старицким. За три года (с 1567 по 1570) были казнены 3 200 человек, так или иначе связанных с двоюродным братом Иоанна Грозного – удельным князем Владимиром Андреевичем Старицким, подозреваемым Грозным в заговоре с целью своего свержения и захвата царского престола. (Здесь и далее количество людей, погибших и репрессированных Иоанном Грозным, приводится по данным Р.Г. Скрын-никова, посвятившему этому вопросу специальное исследование). Сам князь Владимир по своим личным качествам никак не подходил к роли самодержавного правителя. Более того, он всю свою жизнь боялся этого обвинения и всё делал, чтобы доказать верность своему брату. Но демонстрация своей преданности его не спасла. Царь, зная безвольность своего брата, боялся, что его именем кто-нибудь воспользуется для свержения с престола самого Иоанна Грозного. Однако братоубийство в православии считается одним из тяжких грехов, поэтому Грозный не мог казнить своего родственника, он вынудил его к самоубийству, заставив выпить чашу с отравленным вином. Та же участь постигла жену князя Владимира и его девятилетнюю дочь. Все, оставшиеся в живых из рода суздальских князей, были переселены из своих родных мест на свободные земли Казанского царства.

Факты распространения репрессий на семьи наказуемых высвечивают характерную особенность самодержавного потомственного правления, когда кара за совершённое или пусть даже выдуманное преступление настигает не только самого виновника, но и его родственников. Это объясняется наличием потомственного права не только у царственного самодержца, но и у элиты государства. При выводе кого-либо из состава элиты, на его место должен был прийти ближайший родственник, который мог продолжить политику своего предшественника или даже попытаться отомстить за него. Поэтому из состава элиты мало было убрать одного человека, «зачистке» подвергался целый род.

За Старицкими пришла очередь самого влиятельного и богатого боярина – конюшего Челядина (должность конюшего считалась самой высокой в боярской иерархии). Варварским способом были разгромлены его ближние и дальние (в Твери) вотчины, опричники посекли охрану и свиту, а челядь и домочадцев согнали в сарай и взорвали порохом. За три месяца было казнено 369 человек, из них члены самых знатных старомосковских фамилий и 150 дворян.

Расправа со знатными фамилиями Московского государства не могла не вызвать возмущение в Боярской думе, на что оперативно среагировала опричнина. Были казнены наиболее влиятельные члены Боярской думы, сочувствовавшие митрополиту Филиппу и протестовавшие против развёрнутых репрессий.

А они происходили на фоне неблагоприятных для сельского хозяйства погодных условий 1568–1569 годов. Как правило, беда не приходит одна: в 1670 году в стране началась чума, мор прошёлся по 28 городам и Москве. Трёхлетний голод и эпидемия повлекли гибель сотен тысяч людей, бедствия довершали набеги татар и бесконечно тянувшаяся война на несколько фронтов. На западном фронте война за наследство Ливонии шла с переменным успехом без достижения коренных результатов с обеих сторон. В конце 1569 года литовцам, практически без сопротивления была сдана, считавшаяся неприступной, крепость Изборск. Иоанн Грозный

был взбешён, здесь налицо была измена, и его плётка обрушилась на приграничные города – Новгород и Псков.

8 января 1570 года царь вместе с опричниками прибыл в Новгород. Репрессиям были подвергнуты представители всех сословий – от новгородского архиепископа Пимена до дворянской челяди. Грабили монастыри, богатых новгородцев и попавших под руку простолюдинов. Р.Г. Скрынников пишет: «В истории кровавых «подвигов» опричнины новгородский погром был самым отвратительным эпизодом.

Бессмысленные и жестокие избиения ни в чем не повинного населения сделали само понятие опричнины синонимом произвола и беззакония» /22, с. 152/. Погром длился несколько дней, погибло порядка двух – трёх тысяч человек, некоторые источники говорят о двадцати – шестидесяти тысячах. Из Новгорода Грозный отправился в Псков.

Здесь всю свою ярость он обрушил на местное духовенство. Печорскому игумену, вышедшему навстречу царю с иконами и крестами, отрубили голову, псковские церкви были ограблены подчистую. В Пскове царь надолго не задержался: по легенде его остановил юродивый, пригрозивший Иоанну Божьими карами.

После Новгорода и Пскова Грозный принялся за Москву, заставил митрополита Кирилла отдать ему «изменника» – архиепископа новгородского Пимена. (Что интересно: в своё время Пимен по указу Грозного судил митрополита Филиппа, теперь пришёл и его черёд. Он был осуждён и отправлен в заточение в монастырь, где и умер). Суд над московской элитой продолжался несколько недель, в результате было осуждено примерно 300 человек, из них 100 человек было прилюдно казнено. Жертвами стали московская знать и высшая приказная дворянская бюрократия. Среди казнённых был и последний, оставшийся в живых из членов «избранной рады» – дьяк Висковатый.

В последних погромах опричнины в полной мере проявилась вся её беззаконная сущность. Арестованных пытками заставляли назвать сообщников, а оговоренных таким образом людей казнили без суда. Следствие проводилось в строгой тайне, приговоры выносились заочно, людей убивали в домах или на улице, оставляя записку с перечнем их преступлений. Убивали всех, кто противился действиям опричников. Процветало доносительство. Против людей выставляли явно бессмысленные обвинения. Но царю мало было доказать вину невиновных людей, ему нужно было ещё и одобрение народа. В 1566 году был созван Земский собор с представителями всех общественных слоёв Московского государства. Собор поддержал решение царя продолжить Ливонскую войну, отказавшись от предложенного

Польшей раздела Ливонии. Но можно ли это назвать единодушием армии, духовенства и купечества? После первой волны репрессий 1564 года не соглашаться с мнением Иоанна IV, ставшим Грозным, было смертельно опасно. Ведь, как пишет Р.Ю. Виппер, «он никогда не находит равновесия, спокойной середины: чувства переливаются через край, страсть бьёт ключом, «кротость» обращается в безграничное слепое доверие, «ярость» – в бешеную злобу» /6, с. 68/.

Ураган репрессий опричнины, пронёсшийся по стране, вызвал страх не только у населения. В страхе был и сам грозный царь, он понимал, что за все зверства его опричников надо будет расплачиваться не только там – перед Богом, но и здесь – перед людьми. Он начал прорабатывать варианты своего спасения за границей. Единственная достаточно могучая страна, с которой у него были хорошие торговые и дипломатические отношения, была Англия. Она пользовалась беспошлинной торговлей и благосклонно смотрела на все попытки Москвы прорваться к Балтике за счёт её европейских конкурентов. Иоанн сватался, правда, безрезультатно, к английской королеве и даже надеялся на военный союз в борьбе со Швецией. Но Англия есть Англия, она будет делать только то, что нужно ей, да и английское понятие о дружбе коренным образом отличается от русского. Единственно, о чём удалось договориться, так это о предоставлении ему и его семье убежища в случае краха его положения в Московском государстве. И

этот вариант стал практически прорабатываться испуганным Грозным: в районе Вологды строилась опричная крепость и была заложена верфь, на которой началось строительство судов, пригодных для вывоза царских сокровищ и самого царя с семьёй до Соловецкого монастыря и далее по морю в Англию.

После московских процессов у власти остались только те бояре, которые были связаны с опричниной. Но подходил и их черёд. В 1571 году крымские татары подошли к Москве и сожгли её. Вину за это Грозный возложил на опричнину. Начались расправы с боярами, входившими в правление опричнины, в том числе с её руководителями: воеводой – боярином А.Д. Басмановым и князем-оружничим А. Вяземским. Из верхушки опричнины остался не подвергнутым репрессиям только Малюта Скуратов, но и он погиб в 1572 году при штурме замка в Ливонии.

В 1572 году опричнина была распущена. Опричники вынуждены были расстаться с землями, выделенными им в результате конфискации в 1565 году. Также были отменены все их привилегии. Само название «опричнина» царским указом было запрещено употреблять. Мавр сделал своё дело, мавр должен уйти. Но цель, стоявшая перед опричниной, не достигнута. Ведь её репрессии были не самодостаточны, а предназначались для наведения так называемого порядка в стране. Кое-что удалось сделать. Велась борьба с взяточничеством (за взятки был казнён дьяк Казённого приказа Казарин Дубровской), многие вотчины удельных князей и монастырские угодья перешли в разряд государственных земель, и налоги с них стали поступать в государственную казну. В Новгороде установлено опричное правительство в тот момент, когда новгородская земля пришла в упадок. Опричное правительство впервые в русской истории предоставило концессии иностранному капиталу, поддержало крупное купечество, запретило продажу водки. Экономические мероприятия затронули сферу промышленности и торговли. «Бесспорным достоинством опричной администрации в Новгороде было умение добиться неукоснительного выполнения её распоряжений. Но авторитет опричных властей основывался исключительно на принуждении и строжайших политических мерах» /22, с. 173/. Однако все эти положительные результаты выглядели очень бледно на фоне бедствий, принесённых стране опричниками беззаконными действиями. Р.С. Скрынников пишет, что опричный террор «нанёс также большой ущерб дворянству, церкви, высшей приказной бюрократии, т. е. тем социальным силам, которые служили наиболее прочной опорой монархии. С политической точки зрения террор против этих слоёв был полной бессмыслицей» /22, с. 191/. Но это же плётка! Она хлещет с целью, но без разбора, это не «точечный» инструмент. Цель её применения в тот период ясна: в условиях бесконечных войн мобилизовать население, в первую очередь элиту, для эффективного и оперативного управления экономическими и военными ресурсами. Без этой плётки государство не смогло бы в течение двадцати пяти лет вести Ливонскую войну. Однако в итоге война закончилась неудачей, страна оказалась в исключительно сложном положении. Поэтому окончательный вывод по итогам опричнины Р.С. Скрынников делает негативный: «Опричнина дорого обошлась стране. Кровавая неразбериха террора унесла множество человеческих жизней. Погромы сопровождались разрушением производительных сил. Бесчинства опричников были беспрецедентными и не имели оправданий» /22, с. 195/. Кто знает, какой вывод бы сделала русская история, если бы Ливонская война оказалась для России победоносной?

Так почему же царь выбросил опричную плётку? Он решил управлять по-другому, поскольку не достиг своих целей? Да нет, по-другому он управлять не умел, просто плётка распушилась от частого применения, потеряла свой авторитет и требовала замены. На смену пришла организация с непонятным названием «двор», но с теми же опричными методами действий. «Двор» прошёлся по первому послеопричному правительству, существенно разрядив его, и соорудил второе новгородское «дело». Основной целью этого дела было выбить как можно больше денег из церковных структур. Главным обвиняемым стал, не раз доказывав-

ший свою преданность царю, архиепископ новгородский Леонид, в своё время заменивший несчастного архиепископа Пимена, который ещё раньше доказал свою преданность Иоанну, осудив митрополита Филиппа. Интересная получилась цепочка, не правда ли? Для Иоанна Грозного перебирать «людишек» было всегда очень интересно. Вот как об этом пишет Р.Ю. Виппер: «Действительно, он совершал как бы непрерывный пересмотр всего служивого класса и его владений, передвигал и перетасовывал отдельных его представителей, создавал новое их распределение и опять менял его без конца» /6, с. 77/. В 1575 году он даже заменил на царском троне самого себя, посадив на него на целый год татарского хана Симеона Бекбулатовича и даровав ему великокняжеский титул. Сам Грозный, недовольный своим «двором», расправился с его руководителями и решил возродить «опричнину», но уже под названием «удел». Делами этого «удела» стали казни оставшихся живыми до сей поры опричников и виднейших земских бояр, находящихся на государственной службе. Так Иоанн Грозный замкнул очередной кровавый круг.

К чему в результате привели эти круги репрессий? Были уничтожены самые близкие соратники, которые многократно доказывали свою преданность и нужность. На их место пришли неучи, что привело к большим провалам. Так в 1570 году шведы готовы были прекратить войну, отдав Москве Ревель, который она не смогла взять силой. Однако «опричная дипломатия потерпела не прикрытое поражение. Она не смогла использовать единственную в своём роде возможность решить мирными средствами исход борьбы за Ревель. Причиной неудачи была некомпетентность опричного руководства» /22, с. 161/. Использование опричников в качестве воевод при проведении войсковых операций также приводило к краху. В 1571 году поход на Крым во главе с самим царём кончился тем, что русское войско попало в засаду, было разбито, сам царь покинул армию и умчался в Ростов. Москва была взята и сожжена, в Кремле взорвались погреба с порохом, погибло множество людей. На другой день после пожара татары ушли в степь, в Москве им брать было нечего, всё сгорело. Это на южном фронте. На северном и западном фронтах Ливонская война длилась целых двадцать пять лет. Какой же её итог? Мы его ощущаем и по сей день: Иоанн Грозный так напугал Европу своим вторжением в Ливонию, что все последующие исторические устремления и действия России стали расцениваться как потенциально опасные для Европы. Именно тогда начала строиться европейская политика относительно России на все времена: антироссийское политико-экономическое сплочение европейских государств, создание военных антироссииских блоков, максимально возможное ограничение допуска к новейшим научно-техническим достижениям. Да и первые «экономические санкции» против России были связаны с Ливонией.

Примером стало так называемое дело Шлитте – судебный процесс над Гансом Шлитте в Любеке в 1548 году. Царь Иоанн IV поручил Гансу Шлитте завербовать в Европе и привезти в Москву «мастеров и докторов, которые умеют ходить за больными и лечить их, книжных людей, понимающих латинскую и немецкую грамоту, мастеров, умеющих изготовлять броню и панцири, горных мастеров, знающих методы обработки золотой, серебряной, оловянной и свинцовой руды, людей, которые умеют находить в воде жемчуг и драгоценные камни, золотых дел мастеров, ружейного мастера, мастера по отливке колоколов, строительных мастеров, умеющих возводить каменные и деревянные города, замки и церкви, полевых врачей, умеющих лечить свежие раны и сведущих в лекарствах, людей, умеющих привести воду в замок, и бумажных мастеров». Всего Шлитте завербовал около 300 человек, среди которых, помимо ремесленников, были теологи, медики, юристы, переводчики. Специалисты переправлялись в Московию двумя группами. Первая направилась по суше через Пруссию и Ливонию. Их арестовали и продержали в заключении пять лет. Вторая группа с самим Шлитте направлялась к Любеку, чтобы далее отплыть в Ревель. Ливонский орден, боясь, что привезённые Шлитте мастера усилят военный и экономический потенциал Русского государства, просил

любекский магистрат сделать все возможное, чтобы не пропустить Шлитте и его спутников в Москву. В Любеке Шлитте задержали и посадили в тюрьму.

Впервые используя антироссийскую политику в Ливонской войне, европейские страны добились победы, создав военно-политический блок в составе Швеции, Польши, Литвы при одобрении Германии. На заключительной стадии к ним примкнул татарский Крым, поддержанный Турцией. По общему согласию во главе армии был поставлен вновь избранный король Польши Стефан Баторий, в его войске участвовали чуть ли не все представители национальностей Европы, профессионалы-наёмники, обученные передовым методам ведения боевых действий. На западном фронте только мужество защитников Пскова остановило катастрофическое развитие событий, ведшее к полному разгрому и расчленению русского государства. Иоанну пришлось даже обратиться к римскому папе с просьбой остановить продвижение войск Стефана Батория. И надо сказать, что папа использовал своё влияние, чтобы прекратить продолжение войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.